

ПУШКИНСКОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

CZU 821.161.1.09”18”(092)Пушкин А.С.

Сузанская Татьяна,
канд. пед. наук, доцент кафедры славистики
БГУ им. А. Руссо
suzanskaia@mail.ru

Значение личности и творчества Пушкина для русской культуры велико и безмерно. Оно было определено ещё современниками поэта и остаётся таким вплоть до сегодняшнего дня: Пушкин – «наше всё» (А. Григорьев); «солнце русской поэзии» (В. Одоевский); «явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа» (Н. Гоголь); великий поэт, через которого «умеет всё, что может поумнеть» (А. Островский); гений «всемирной отзывчивости»¹ (Ф. Достоевский) и др. Эти высказывания стали своеобразными фор-

¹ «Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год).

мулами и знаками культурной и общественной и жизни для всего русского мира, они растиражированы издавна и уже кажутся несколько затёртыми, но, тем не менее, продолжают оставаться актуальными. Произведения Пушкина и сегодня являются образцом художественного совершенства, идеалом, духовно-нравственным ориентиром и высокой планкой творчества для каждого художника слова. Все без исключения русские поэты и писатели в той или иной степени испытали мощное магическое воздействие Пушкина; пушкинские реминисценции, аллюзии, явные и скрытые цитатные слои наблюдаются в произведениях Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Булгакова, Блока, Ахматовой, Цветаевой и многих других, они достаточно исследованы и продолжают тщательно исследоваться сегодня. В истории и теории литературы XX в. данное явление осмыслено в таких понятиях, как *пушкинская традиция*, *пушкинский миф*, *пушкинские реминисценции*, *пушкинское влияние*, *пушкинское слово* и др.

На наш взгляд, наиболее ёмким, концептуальным, научно оправданным и всеобъемлющим является терминологическое сочетание **«пушкинский текст»**. Его корни содержатся в идеях выдающегося литературоведа В.Н. Топорова, который ввёл в научный обиход понятие «петербургский текст» русской литературы, имея в виду всё написанное в русской литературе о Петербурге с момента возникновения города (Топоров 1995: 259). По мнению Топорова, в результате всего созданного и возникает неповторимый и сложный, живой и противоречивый облик великого Города русской истории и культуры. Труд В. Топорова оказался весьма продуктивным в методологическом плане: появились интересные работы о «московском», «одесском», «киевском» текстах в русской литературе, о «детском тексте» и т. п. Речь идёт о неких «сверхтекстах», т.е., художественных единствах, отличающихся определенными сверхзадачами; о текстах со своей структурой и национальной идеей (идеей целостности русской литературы и культуры), идеей провидческой, пророческой или, если воспользоваться лексикой Топорова, профетической.

По нашему мнению, по аналогии с вышеизложенным, под **«пушкинским текстом»** русской литературы также следует понимать некий «сверхтекст», совокупность всего того в классической (послепушкинской), современной и новейшей литературе, что определено, навеяно, подсказано пушкинскими произведениями, идеями, мыслями, словообразами и т. п. Словоупотребление «пушкинский текст» шире, чем словоупотребление «пушкинская тема». В нём фокусируются разные смыслы: Пушкин и его творчество как феномен русской культуры, как мировоззренческая категория, философская идея, как символ, миф. У «пушкинского текста» своя структура, эволюция, язык, своя организованность по вертикали (диахронно) и по горизонтали (синхронно) и своя смысловая связность.

Словосочетание «пушкинский текст» вошло в научный обиход с подачи Б.М. Гаспарова² и впервые было использовано в его книге «Язык, память, образ» (1996). Литературовед Н.Е. Меднис подобные тексты назвала «именными» или

² Б.М. Гаспаров – видный современный литературовед, лингвист, семиотик, профессор Колумбийского университета (США); в 60-е гг. преподавал в Бельцком педагогическом институте им. А. Руссо.

«персональными», см. её работу «"Именные", или "Персональные" тексты. Пушкинский текст русской литературы» («Сверхтексты в русской литературе», НГПУ, 2003).

В последние десятилетия выдающиеся страницы «пушкинского текста» были созданы А. Битовым (роман «Пушкинский дом» был написан в 1971 г., опубликован в 1987 г.), Сашей Соколовым («Школа для дураков», 1975), Т. Толстой («Кысь», 2000), И. Бродским («Я вас любил...», 1974) и многими другими.

Рассмотрим один из «пушкинских текстов» Бродского.

Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Всё разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее: виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! Всё не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими – но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит – по Пармениду – дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавильсь от жажды
коснуться – «бюст» зачеркиваю – уст!

Стихотворение вошло в поэтический цикл «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», созданный в 1974 году.

Первое впечатление – пародия. Ученый филолог А.К. Жолковский так и характеризует сонет Бродского: «пародирование», «вызывающая перелицовка оригинала» (Жолковский 1990). Думается, такая трактовка, которая сама идёт в руки, как раз заставляет задуматься об обратном, о том, что не всё в этом диалоге Бродского с Пушкиным так просто, не всё лежит на поверхности. А главное – какова же задача Бродского? Написать пародию на Пушкина? Слишком примитивно. Интересно свидетельство самого Жолковского: «О замысле разбора я рассказал Бродскому во время единственного часового разговора с ним в Энн Арборе (1980 г.), а первый его вариант написал, по приглашению Льва Лосева, пятью годами позже (т.е., еще до получения Бродским Нобелевской премии). Бродский **остался к нему равнодушен**» (Выделено нами – Т.С.).

Проследим *сходства и различия* в обоих текстах. Сходства минимальны: лексическое и синтаксическое совпадение 3-х строк, да и то не полностью; одинаковый метр – 5-стопный ямб; общность лирической ситуации – герой любит безответно; сходство наблюдается и в основном приёме – оба поэта используют метафору (*любовь угасла // любовь сверлит мозги*); и в обоих случаях лирические герои обращаются к возлюбленной: *Я вас любил...*

Отличий гораздо больше, но идейно-художественная близость Бродского к Пушкину, которая выявляется в процессе анализа, на наш взгляд, снимает их полностью.

Проследим различия.

1. Жанр. У Пушкина – лирическая миниатюра, обращение; у Бродского – обращение представлено в форме сонета; количество стихов, соответственно, разное – 8 и 14.

2. Смысловое (семантическое) поле образа любви. У Пушкина оно строится на «безмолвности», безнадежности, муках робости и ревности, искренности, нежности, самоотречения (*не хочу печалить, дай вам Бог любимой быть...*). У Бродского любовь – это *боль, сильное чувство, безнадежность, самоубийство, дрожь, задумчивость, жар в крови, ширококостный хруст, жажда коснуться...*
3. Лексические особенности. В них содержатся коренные отличия: Пушкин использует лексику книжную, возвышенную, Бродский – нарочито сниженную, просторечную, разговорную, вульгарную, грубую. Единственный поэтизм – *уст* («коснуться уст»). Сонет Бродского изобилует лексическими контрастами: слова книжные и высокие *сотворит, задумчивость, жажда*, имя собственное *Парменид*³ соседствуют со словами и выражениями сниженными и разговорными: *горазд, разлетелось к чёрту, чёрт, вдарить, сверлит мозги, не по-людски, пломбы в пасти*. Кстати, сниженная лексика и настраивает на пародийное восприятие. Почему Бродский вводит подобную лексику? Возможно, а) снимает «хрестоматийный глянец», взрывает штампы хрестоматийного восприятия пушкинского шедевра? б) полемизирует с Пушкиным, создавая свой образ любви и влюбленного человека? в) продолжает любовную тему Пушкина? Скорее, другое, что наиболее вероятно, хотя и не отменяет предыдущих предположений: по нашему мнению, Бродский необычайно выразительно, экспрессивно, нарочито эпатажно высказывает мысль о том, что пушкинское чувство любви и её воплощение, самоотречение пушкинского лирического героя, его готовность отойти в сторону ради счастья любимой превзойти невозможно, они неповторимы: «Бог <...> будучи на многое горазд, **не сотворит** – по Пармениду – **дважды** (Выделено нами. – Т.С.) сей жар в крови...».
4. Ритмические особенности. Наличие анжамбеманов («перескоков» из строки в строку, т.е. несовпадений стихотворных строк с целостными синтаксическими структурами), что даёт Бродскому возможность преодолеть ритмическую монотонность и передать живую стихию разговорной речи.

Завершая свою статью, А. Жолковский всё-таки отходит от первоначально заявленной трактовки сонета Бродского как пародии на Пушкина: «Косунственно написанное поверх одной из святынь русской классики, «Я вас любил...» Бродского имеет богатую интертекстуальную подоплёку, как традиционную, так и современную. В своем обращении с Пушкиным Бродский опирается на целый спектр установок, характерных для русской поэзии XX века: футуристическую десакрализацию à la Маяковский, по-ахматовски стоическое принятие условий человеческого состояния, отчаянную страстность и рваный синтаксис Цветаевой и дерзко вельможашую позу Мандельштама. ...Принадлежит в этом смысле XX веку, Бродский и его сонет всё же восходят к типично пушкинским установкам: изображению страсти сквозь призму бесстрастия...»

³ Парменид – древнегреческий философ, который считал, что мир неизменен. Значит, по Пармениду, повтор (дважды) любви такой силы возможен, однако по законам высшей божественной силы это невозможно: Бог не сотворит подобное «дважды». Так Бродский, ссылаясь на авторитет философа, диалектически заостряет мысль о непревзойденности подлинного чувства.

При таком истолковании «пушкинского текста» Бродского становится понятным, почему поэт прибегнул к жанру сонета: приближение к Пушкину, к пушкинской гармонии требуют особенного жанра, сонет – жанр высокой поэзии. При этом Бродский, конечно, смело экспериментирует: его сонет изобилует сниженной и разговорной лексикой, проникнут комизмом. Однако надо понимать, что ирония и комизм Бродского порождены особенностями облика лирического героя, которые предопределены типическим характером современника, близкого поэту – молодого человека XX века, который внешне бравирует ниспровержением авторитетов и вместе с тем стремится своё глубоко личное, трепетное отношение к любви спрятать от грубого внешнего мира, сохранить его по-пушкински первозданным.

Библиография:

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Жолковский А. «Я вас любил...» Бродского. Доклад в РГГУ, 1990 // <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib52.htm>.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс, 1995. С. 259-368.